

Анна Яковлева

Проделки куриного бога

Анна Яковлева
Проделки куриного бога

«Дудник Анна Яковлевна»

2015

Яковлева А.

Проделки куриного бога / А. Яковлева — «Дудник Анна Яковлевна», 2015

После двадцати лет брака развод представляется Михалине Трацевской убийственной процедурой, придуманной фарисеями и чернокнижниками как месть за Евин грех, и вдруг, в вагоне – ресторане, уносящем ее на запад, под стук колес, после бокала вина слово заиграло совсем другими красками, совсем другими...
Страх и любопытство – не эти ли чувства испытывала Ева перед грехопадением? Конечно, мужчины свалили всю вину на прародительницу, но Адам! Адам ведь мог и отказаться! Может, в этом и состоит истинное предназначение женщины – проверять мужчин на вшивость?

© Яковлева А., 2015

© Дудник Анна Яковлевна, 2015

Анна Яковлева

Проделки куриного бога

*Все события, происходящие в
романе, вымышлены, любое
сходство с реально
существующими людьми —
случайно.*

Автор

...Он заведет собаку – вот, что он сделает.

Собака – то уж точно не предаст. Собака будет любить его преданно и бескорыстно. И он будет любить ее. Гулять с ней, баловать и чесать брюхо. Собака будет встречать его после работы и приносить мячик.

Герасимов потушил сигарету в блюдце, заменявшем пепельницу, и захлопнул балконную дверь.

А, собственно, что его удивляет? Он всегда знал, что Лилька – дура, прости господи.

Зачем она призналась, что у нее есть любовник? Тоже мне, секрет полишинеля...

Ну, какой это, к чертям собачьим, секрет, если налицо все признаки – нет, не измены! – романа на стороне!

Бегающие глазки, тайные звонки, этот страх выпустить мобильную трубку из рук, постоянные отлучки и вранье – без креатива, тупое и плоское... Как сама Лилька.

«У Соньки засиделась...» – самая расхожая отмазка. Еще: «представляешь, в лифте застряла», и, еще «в поликлинике очередь безумная, как при совке...». Только пробки на улицах и совещания на работе не приплела, потому что о пробках в их городе знали из телевизора, а совещания в школьной библиотеке в первый и последний раз проводилось еще при Горбачеве.

Ко всему Лилька вдруг рьяно взялась реформировать библиотеку, обновлять фонды, участвовать в каких – то семинарах, проводимых за пределами городка, замещать больных, хотя до этого даже зарплату не отработывала. С подружкой детства Сонькой, которую регулярно поливала помоями, вдруг стала проводить все выходные. Потом и вовсе умом тронулась – давай петь в народном хоре, хотя ни голоса, ни особого слуха у нее не было. Да еще пригласительные билеты на концерты невзначай подсовывала на видное место.

Ну, не идиот же он, на самом деле!

Или идиот?

Отвращение к вранью Герасимову внушили в детстве, и он сразу понял, что жена врет. Но он и не хотел знать правду – вот, в чем фишка!

Герасимов достал из шкафа несколько вешалок со своими вещами, блуждая по ним рассеянным взглядом, пристроил на спинке дивана.

То – то Лильке раздолье будет, когда он отчалит в командировку. Он скрипнул зубами от бессильной злобы. Может, розгами ее высечь? У них есть розги в запасниках. Если не воспитает, то, по крайней мере, испытает облегчение. Или не испытает?

Герасимов огляделся, будто очнулся.

Круглый стол, накрытый скатертью с кружевом ручной работы, дешевенькие стулья из лозы, комод с резными дверками, старый фикус под окном – все было, как при маме.

Мозги сдавило, как тисками.

Сжав челюсти, Герасимов опустился на диван и с силой потер лицо ладонями, так, что нос, щеки и лоб стали красными.

Как ни странно, это принесло некоторое облегчение.

Посидев некоторое время с закрытыми глазами, Герасимов поднялся, прихватил один из стульев, стоящих вокруг стола, и перенес его в прихожую.

Испытывая странную, какую – то даже нечеловеческую усталость, будто на нем ночь напролет каталась Панночка, полез в антресоли за сумкой.

Сумки в антресолях не оказалось.

Разозлившись, Герасимов сдернул какую – то тряпицу с непонятной кучи барахла и наткнулся на стопку семейных альбомов.

От вида этих самых альбомов Герасимову захотелось умереть.

Мысль подкупала новизной и одним махом решала все проблемы. Командировка бы отменилась – раз. Развод – два.

Поискав, что бы такое позитивное пристегнуть к списку под номером «три» и не найдя, Герасимов спрыгнул со стула, сел на него, сиротски уперев локти в колени, и погрузился в мрачные размышления.

Олюшку, его девочку жалко. Как она воспримет развод родителей? И как он будет без нее? В семнадцать лет дети такие же максималисты, как в четырнадцать.

Экзамены на носу, выпускной. Черт знает, как все не вовремя. Мысль пошла по кругу: за каким бесом Лилька исповедалась?

Именно так – в прихожей на стуле – его и застала неверная супруга.

Увидев мужа, она хлопнула виноватыми медовыми глазами и потупилась.

Сцепив руки замком, Герасимов в полном молчании наблюдал, как жена разулась, и подавил в себе позыв к ухаживанию, когда Лиля расстегнула плащ. Пусть ей новая любовь помогает.

До поезда оставалось два часа, нужно было в темпе вальса варить яйца и курицу с пометкой «для жарки».

...Оставив облако сладкого дурмана, Лиля скользнула мимо.

Шаги ее остановились совсем близко, вздохнула дверь в ванную, зашумела вода.

Герасимов принюхался.

Он мог голову дать на отсечение: такого парфюма у жены раньше не было. Запах был новым, незнакомым. Чужим, как сама жена. «Подарок, наверное», – темнея лицом, подумал Герасимов. Ему стало совсем тошно.

В долю секунды тяжесть из тела исчезла, он сорвался со стула и всю свою ярость обрушил на дверку антресолей, да так, что изо всех швов на потолке и в стене посыпался песок.

Вода в ванной перестала шуметь, дом насторожился.

ТЬФУ.

Гнев иссяк, тяжесть вернулась, и Герасимову стало до омерзения противно самого себя.

Распустился, идиот.

Может, пока он будет ездить, все как – то утрясется? Они остынут, отдохнут друг от друга, Лилька поссорится со своим хахалем ... Или возьмет и образумится – случается же такое с некоторыми...

На самом деле, зачем им что – то менять? Жизнь прожита. Сейчас любые перемены возможны только в худшую сторону.

С остервенением засучивая рукава домашней ковбойки, Герасимов устремился на кухню.

Было только два места, где Герасимов чувствовал себя в своей тарелке: на собственной кухне и в краеведческом музее.

Поставил варить яйца, отпилил от куриной тушки оба бедра и тоже поставил на огонь. Достал из холодильника банку с огурцами, обернул в тряпицу шмат сала, нарубил толстыми колечками «Краковской» колбаски, вытряхнул из короба оставшиеся спички и насыпал в

него соли. Несколько мгновений сомневался, стоит или не стоит травить попутчиков луковым запахом, и все – таки сунул в пакет тугой пучок зеленых перьев...

* * *

...В бывшую Людову, ныне Речьпосполиту Польску Михалина отбывала налегке. Все, что у нее было – новые джинсы и банковская карта, которую не сильно отягощали отпускные и скромная премия. Четки – и те забыла в спальне на постели. Вместе с бельем и парой туфель все уместилось в рюкзачке.

Дом Михалина оставляла с тяжелым сердцем: муж, Дмитрий Недобитюх, ее не провожал, он вообще перестал с ней разговаривать. Или она с ним.

Несколько раз Михалина была близка к тому, чтобы остаться, сделав выбор в пользу жизни, то есть своего мужа. Все – таки сестра Стефания далеко, а Митяй под боком...

Однако стоило покинуть зону обитания Недобитюха, как в Михалине стали происходить какие – то глубинные изменения.

Сначала вернулась девичья мечтательность.

«О, Варшава, – думала Михася, трясясь в электричке, – этот полугород – полусирена! Плац Трех Крестов, аллеи, прятный левый берег Вислы...».

Голова сладко кружилась.

Поезд, перрон, терпкий запах лопающихся почек и талой воды усугубили ее состояние. Не говоря о попутчиках...

Вместе с нею в купе оказалась загорелая крашенная девица лет двадцати пяти, немного дерганая, с полным ртом жвачки. Довольно высокий, сухой, коротко остриженный субъект чуть за сорок, с хищным носом и со странным взглядом миндалевидных, карих глаз. Настоящий бедуин.

Третьим был умопомрачительный, изысканный господин в очочках – ровесник Михалины, тоже высокий, ироничный, с магнатскими усиками «а – ля Валенса». Правда, усики плохо вязались с Евросоюзом, но в целом мужчина произвел на Михасю сильное впечатление, хотя, это вполне мог быть синдром Недобитюха.

Тем не менее, метаморфозы продолжались: Михася распрямилась в полный рост.

– Борис, – представился господин, едва хлопоты, связанные с проверкой билетов и задачей постельных принадлежностей, улеглись. – Журналист, публицист, краевед. – В руке у Михалины оказалась визитка: «Чарнецкий Борис», – лаконично, как на надгробии, значилось на ней, только, в отличие от надгробий, к имени прилагался номер мобильного.

Девице Чарнецкий тоже зачем – то всучил визитку. Та лениво взяла ее двумя пальцами с накладными, зловеще загнутыми ногтями, и положила на столик.

Поглаживая пальцами бархатную визитку, Михася приосанилась: все – таки как это важно, когда тебя окружают образованные, культурные люди.

– Это мой коллега и лучший друг Платон Фархатович Герасимов, – представил Чарнецкий насуспенного стриженного субъекта, расположившегося напротив.

– Михалина, – она кивнула со сдержанным достоинством. О том, что подвизается в районе печатном органе, по неведомой причине умолчала – хватать было нечем. Всего лишь провинциальная журналисточка, редактор провинциальной газетенки, которых пруд пруди.

– С частным визитом?

– Да, – розовея, растянула губы в улыбке Михася. – К сестре еду. А вы?

– По приглашению польских коллег едем на конференцию по Катыни и на майские праздники. Заодно. Приятное с полезным совмещаем. – Борис поправил очки и улыбнулся, от чего у Михалины, как писали в романах, стеснило грудь.

Она прислушалась к ощущениям. Что делается! Не прошло и трех часов, как из дома... Удачное начало, ничего не скажешь.

– Уже бывали в Варшаве? – любопытствовал господин Чарнецкий.

Подарок сестры – альбом с фотографиями Варшавы – был настольной книгой Михалины, поэтому она почти не соврала:

– Да.

Михалине было страсть, как интересно, за каким несет в Речьпосполиту крашеную выдру, но мужчины не задали девице ни одного вопроса, как будто она принадлежала к касте неприкасаемых. Как будто достаточно быть двадцатипятилетней дивой с волосами цвета красного дерева, чтобы все вопросы отпадали сами собой. Это задело Михалину. Из – за дерганой девицы ей даже снова захотелось стать ниже ростом.

Через пять минут были окончательно расставлены акценты: Чарнецкий не скрывал интереса к девице, которая отзывалась на имя Катя, а его стриженный коллега упорно хранил молчание и держал дистанцию.

Михасе внезапно стало легко. Досада улеглась: разве она не сыта по горло Недобитухом? Ну и что, что красота и молодость прошли? Зато у нее теперь есть нечто гораздо более ценное: ясность мировоззрения, мудрость, вера в Бога и сыновья. И бесстрашие. Вот ее военное преимущество. Женщина ее лет – настоящая твердыня, способная противиться искушениям. И как приятно находиться на скамье запасных и наблюдать за игрой других! Особенно – за тонкой.

– Я в вагон – ресторан. – Чертова кукла поднялась и, не оглядываясь, подалась из купе.

– Отличная идея, – воодушевился Борис. – Ты как насчет ужина в ресторане, Платон Фархатович?

– Нет – нет, спасибо. – покачал головой его угрюмый друг. – У меня все с собой. – Голос у Платона Фархатовича оказался низким и густым.

Услышав это «все с собой», Михася затосковала.

Сейчас стриженный бедуин разложит на столике заботливо собранные любящей супругой в дорогу яйца, куриную ножку, соленый огурчик, в тряпицу обернутое сало, нарезанную кольцами копченую колбаску, соль в спичечном коробке и тугой пучок зеленого лука. Пригласит разделить трапезу – не него это похоже. Ей придется приобщить свою скромную долю – яблоко, банан и апельсин... Тьфу, как это все неприятно.

– А вы? – публицист скользнул беглым взглядом, но от Михаси не укрылась неприязнь на дне его глаз.

Состояние публициста легко объяснялось, Михася даже посочувствовала ему: куда он ее денет в ресторане, ведь он сделал ставку на дерганую бестию?

Безусловно, ее отказ господину Чарнецкому понравился бы куда больше, чем согласие, да и самой Михалине тоже (тратиться на ужин в вагоне – ресторане совершенно не входило в ее планы), но она представила, как станет делить трапезу с Платоном Фархатовичем и, загнанная в ловушку, вынужденно проямлила:

– Пожалуй. Только руки вымою.

– Я вас подожду, – Чарнецкий вежливо улыбнулся. Под магнатскими усиками просматривался крупный чувственный рот, и Михалина отвела глаза. Вера, мудрость и бесстрашие – вот три столпа ее морали...

* * *

... Католическая Пасха прошла под противный мокрый снег.

От этого снега с дождем Михасе все время хотелось спать, и день казался нескончаемым, а вечно мокрые ноги ее лично приводили в отчаяние.

Городок, родом из которого была Михася, стоял на Днепре. Климат здесь сырой, много болот. Когда-то места эти были постоянной ареной борьбы религий, амбиций и обыкновенной человеческой жадности. Земли эти топтали крымские татары, донские казаки и тевтонские рыцари, что касается немцев, так те и вовсе взяли за моду размещать здесь свои оккупационные войска.

В надежде навести хоть какой – то порядок в этих местах, король польский и великий князь литовский Сигизмунд – какой – то – там еще в 1511 году даровал городку Магдебургское право.

При всем при том до сих пор со снегом здесь бороться так и не научились.

Каждый год город просто тонет в сугробах. Здесь не заведено вывозить снег, его просто сталкивают с проезжей части на обочины. Этой зимой, как и десять, и двадцать зим назад, все повторилось. В марте сам по себе снег превратился в распутицу, а политый внезапным дождем, затопил дороги, сделал совершенно непролазными улицы. А небеса словно спятили, каждый день с них то сыпалось, то лилось.

От сырости было только одно спасение – русская печь.

Однажды Михалина не поленилась и посмотрела в энциклопедии определение слова «печь». Не особенно мудрствуя, энциклопедисты назвали печь «устройством для тепловой обработки материалов или отопления». Если бы Михася была составителем словарей, она дала бы другое определение, потому что относилась к печи, как к спутнику и компаньону человека, фактически – как к одомашненному животному.

Русская печь согревает не только тело, она согревает душу, как говорили наши древние предки: «Печь из смерти в жизнь переводит». Вот, почему после работы, почти в плывь добравшись до дома, первое, что сделала Михалина – набила печь дровами.

Она торопилась проделать все до прихода мужа.

Дмитрию было глубоко плевать на экваториальное прошлое человечества, как и на то, что женщины мерзнут чаще мужчин – он считал это происками дарвинистов и феминисток.

Если жена топила печь, Митька демонстративно открывал форточки и ворчал, что шелудивому поросяти и в Петров день зябко, что мало ей газ сжигать, так еще и дрова истребляет, опять устроила тропики... Причем жадность эта не поддавалась никакому объяснению, потому что дрова им доставались бесплатно – Митяй служил лесничим в лесхозе.

Девять месяцев в году супруги вели молчаливую войну: Михася втихаря подкручивала ручку на термостате вправо, муж – влево. В этом смысле печь Михалину устраивала больше: из нее пылающие дрова не выбросишь.

Наконец, дело дошло до растопки, и Михася не обнаружила спичек на привычном месте – на полочке рядом с дымоходом.

В надежде найти зажигалку или коробок спичек, она полезла по карманам мужниной одежды и, действительно, зажигалку нашла. Но не ее одну.

В кармане одной из курток с остатками подсолнечной шелухи, хвоинок и острых хлебных крошек Михася обнаружила сложенный в четыре раза тетрадный листок в клеточку – довольно свежий, судя по виду.

Неизвестно, какой текст она ожидала увидеть, но уж точно, не тот, что увидела: «Суслик все было просто зашибись. На столе бутирброды. Абажаю и целую куда захочу, твоя Цыпа.», – было нацарапано на листке.

«Н – да, – с мелким самодовольством подумала Михася, – с грамотешкой у Цыпы недобор, академиев оне не кончали...».

Испытывая острое желание умыться, она сунула записку назад, к крошкам и семечкам, ополоснула прохладной водой лицо и долго смотрелась в зеркало. Затем вернулась на кухню, старательно гоня от себя мысль, что Суслик – это ее муж, и какая – то Цыпа целует его, куда захочет.

Мысль не прогонялась – напротив, свила себе гнездо в черепе.

Черт возьми. Что еще за Цыпа? Еще одна жертва Митькиного дьявольского сексуального обаяния?

«Если это и так, то что мы имеем? – спрашивала себя Михася, и сама же себе отвечала: здоровое чувство брезгливости и нездоровое чувство зависти – вот, что мы имеем. После двадцати лет брака ты утратила желание целовать мужа куда – либо, кроме лба. Свят – свят – свят».

Наконец, в трубе загудело, на душе у Михалины потеплело уже от одного этого звука. А ведь она чуть не поддалась на уговоры сыновей и мужа, чуть не дала разобрать свою спасительницу.

От звонка в калитку мысли в голове смешались, Михалина вышла на крыльцо:

– Кто там? – крикнула в темноту.

– Мишка! – позвала соседка Татьяна – первостатейная сплетница и записная кляузница. – У тебя телефон работает?

Михалина вздохнула. Придется впустить Таньку и выслушать последние сплетни, которые стекались к соседке со всего города.

– Работал.

– Ой, слушай, мне мастера вызвать нужно, – зачастила Танька, – у меня уже неделю телефон не работает.

– Тань, у них рабочий день уже закончился.

– Неа, – уверенно сказала соседка, – там есть дежурный.

– Заходи, звони, – бросила равнодушно Михалина и нырнула в тепло дома. Если ушла Танька что – то замыслила, сопротивляться бессмысленно: пролезет в игольное ушко, несмотря на габариты.

– А твой где? – Невыразительные глазки обследовали прихожую в поисках мужской обуви.

– На работе.

– Слушай, а я его видела сегодня.

– Я тоже.

Татьяна оценила юмор и захихикала:

– Не, я видела на почте! Он с почтальонкой нашей болтал.

Ни один мускул не дрогнул на лице Михалины.

– Ты звонить хотела. – Она показала глазами на аппарат на полке.

– А? Да! – Танька закрутила циферблат коротким толстым пальцем. – Так это... Дмитрий – то прям так и лыбился, так и лыбился.

– Ты номер знаешь или поискать в справочнике?

– Не, не ищи. Знаю.

Танька с минуту висела на трубке, слушала зуммер – абонент, естественно, не отвечал.

– Ты ее знаешь, она нашу почтальонку заменяет, когда та в отпуске или болеет.

– Знаю, – согласилась Михася, горя желанием отделаться от навязчивой соседки.

– А че – то долго твоего с работы нет.

– У него сегодня совещание по пожарам, – сорвала Михалина. Какие пожары в это время года? Неискушенная в защите лесов Танька повелась:

– А – а. А то я думаю, чего это он на почте с утра околачивается?

– Он может находиться и на почте, и в администрации, и в редакции, и в школе – где угодно. Служба, знаешь ли.

– А – а, ну да. Ладно, – Танька поскущнула. – Пойду. Спасибо.

– Пожалуйста. – Михася проводила соседку и, совершенно измочаленная, вернулась в дом.

Примостив на печку мокрые сапоги, потрогала изразцовую стенку – та уже была живой.

Ужинала Михалина в одиночестве перед телевизором – Дмитрий явился ближе к девяти и был не в духе.

Вечер покотился по заведенному сценарию: уловив с порога печное тепло, супруг помрачнел, буркнул что – то вроде «деньгами топишь» и грязной рукой схватил со сковороды драник.

Михася отвернулась. Борьба была неравной.

После того, как сыновья выпорхнули из гнезда, супруги старались обходиться без слов. За вечер обменялись несколькими фразами и разошлись, как какие –нибудь графья, по своим спальням.

Небо плевалось мокрым снегом, а печь исходила умиротворяющим теплом, и это примирало Михалину с «почтальонкой» и даже с тем фактом, что Суслика опять взяли в аренду. Из чувства самосохранения ей хотелось только, чтобы арендаторша по имени Цыпа жила на другом краю географии.

Постояв под душем, Михася нырнула в постель, устроилась под одеялом, хотела почитать, но усталость прикинулась приятной тяжестью, скрученные в клубок мысли стали отрываться и поодиночке уноситься в космос.

Поздний звонок взметнулся в тишине, спугнул сон, Михалина спрыгнула с постели. В груди кольнуло. Сыновья? Или арендаторша?

Старая карга – тревога – сжала сердце в кулаке, как выпавшего из гнезда птенца.

Путаясь в рукавах халата, Михалина метнулась в прихожую, страстно желая, чтобы телефон не разбудил Митяя, схватила трубку и проскрипела:

– Алло?

– Минася! – На другом конце связи обнаружилась сестра Стефания. Такую мелочь, как час разницы во времени, Стефания не принимала во внимание. – Минася! Привет! Ну, так что ты решила?

Все встало на свои места: в мае Стефе исполняется сорок, и она все уши прожужжала своим юбилеем.

Тревога разжала натруженную, мозолистую ладонь, выпустила на свободу сердце, а сама скатилась по животу и улеглась на полу вокруг босых щиколоток. Михася аккуратно перешагнула через нее, забралась в чудовищное кресло с кожаными подлокотниками, подтянула колени и дернула свисающий с бра шнурок. Когда – то рыжий, а теперь лысый коврик, трюмо и шкаф с незакрывающимися дверцами вынырнули из темноты. Пока гнездилась, сестра успела перейти к эскалации:

– Минася, я тебя в Европу зову, а не в Сибирь. Так и знай: если не приедешь, обижусь до конца жизни! Никаких отговорок не приму. Дети разъехались, а с козлом твоим ничегошеньки не случится за пару недель, вот увидишь, он еще спасибо скажет, – завершила выпад Стефания и обиженно умолкла. Последнее заявление было настолько в яблочко, что Михалина хрюкнула.

– Даже слышать ничего не хочу, – снова активизировалась Стефа. – Ты же его просто развратила своим терпением. Дала себя закрепостить, и он думает, что так и должно быть. Фиг ему. Не должно и не будет.

Варианты подобных заверений звучали все двадцать лет, а в связи с юбилеем сильно разнообразились. Почти не слушая сестру, Михася в очередной раз мысленно перебрала свои наряды. Не считая рабочую униформу (черную юбку, серые брюки и пять, по числу рабочих дней, блузок), гардероб уличал ее в полной и окончательной потере боеспособности. В таких нарядах дальше праздника урожая в районном центре показаться нельзя. А еще

билеты в оба конца, а еще подарок... А хотя бы мизерный шопинг – Варшава все таки... Прикинув свои возможности, Михалина протолкнула сквозь стиснутое горло:

– Стефа, ты же знаешь, у меня денег нет.

– Я оплачу тебе дорогу, – самоотверженно пообещала сестра. – Не жмоться. И не выдумывай ничего, а то знаю я тебя. Главный мой подарок – это ты, Мисюсик ты мой. – Ласковое «Мисюсик» было родом из детства, и сердце Михалины растаяло, как воск.

Даже если в заботе сестры преобладали собственнические инстинкты и желание подложить свинью Митьке, все равно это была забота.

...Дмитрий не переваривал Стефу так же преданно, как она не выносила его. Двадцать лет Стефиной эмиграции не ослабили Митькиной ненависти. У него был нюх на звонки свояченицы, и каждый звонок, не говоря о визитах, он воспринимал, как подрыв семейных устоев.

– Она на тебя плохо влияет, – плел интригу Митька. – В ее присутствии у тебя портится характер. С тобой становится невозможно, пока она у нас торчит.

Разумеется, Стефа не гостила, а торчала. Не помогала, а подрывала авторитет. Не баловала сестру, а развращала.

– Когда она здесь, ты забываешь о супружеском долге, – с пламенной верой в свою незыблемую правоту клеймил жену Митька. Нет – нет, ничего такого. Под супружеским долгом Дмитрий понимал исключительно заботу о себе, любимом.

Дмитрий был известным сквалыгой. Не сыновья, не огород и не работа, а именно муж сделал Михалину фактически «невъездной». К бабке не ходи – отъезд жены Митяй расценил, как открытый бунт, мятеж в рядах заговорщиков – Трацевских. Домостроевец, черт бы его побрал.

Стоило помянуть черта: в майке и в кальсонах, небритый, с примятым со сна лицом, разя все живое луковым перегаром, «козел» и «крепостник», шаркая драными шлепанцами, материализовался в дверном проеме. От предчувствия у Михалины заломило затылок.

«Сейчас начнется», – пронеслось в голове. Острый нос, сонные глазки и задиристый хохолок на макушке выражали готовность к склоке.

– Чего опять? – не заставил себя ждать супруг. – Чего ей надо? Опять сует нос в наши дела? – Просто вездесущая советская цензура в эпоху большого террора!

Михалина смерила супруга взглядом сверху вниз. Умела она смотреть сверху вниз, даже если смотрела снизу. «Суслик засушенный», – вот что было в этом взгляде.

Митяй никогда не отличался богатырским сложением, а с годами стал похож на стручок острого перца. На жалком тельце выпирали только кадык и детородный орган, все остальное было исключительно впалым. Даже зад. При этом самомнение у Митяй потолка царпало. Наверное, на такой высоте его поддерживали те, кто «целует, куда захочет».

– Это кто там? – раздалось в трубке. – Никак твой козел бдит?

– У самой же мужика нет – кто ее выдержит, такую... – Митька не постеснялся выразиться.

– Как у тебя терпения хватает? Я бы с таким придурком дня не прожила, – в тысячный раз заверила сестру Стефания. Михася не знала, кого слушать.

– Дешевка. Репатриантка. Пшечка. Пусть катится со своими подарками куда подальше, – размахивал совковой неподкупностью, как флагом, Митяй.

Перекрестный огонь достиг невероятной плотности, Михася почти впала в кому. Будь у нее хоть малейшая надежда, она бы ушла в партизаны и отсиживалась в лесных болотах до прихода «наших», но оба сына учились и жили за границей – на исторической родине Дмитрия, в Запорожье.

– Михася! – рявкнула сестра прямо в ухо, так что Михалина поморщилась. – За двадцать лет ты заслужила хотя бы один – единственный раз провести отпуск не на огороде! В конце концов, от всей семьи только мы и остались. Я жду тебя. Не вздумай испортить мне праздник.

– Я постараюсь, – промямлила затурканная Михася.

– Никаких «постараюсь». Чтоб как лист перед травой.

Стефания была на три года старше. Ей повезло не встретить своего Митьку, съездить в командировку в Варшаву и прочитать в университете курс «сравнительное языкознание». Позже ей повезло остаться на кафедре в Варшавском университете, еще позже – выйти замуж, получить гражданство и очень удачно развестись, а Михася...

А Михася на кривой дорожке столкнулась с Митяем Недобитюхом – без комментариев, как говорится.

...Дать обещание было нелегко, а уж выполнить и того сложнее.

Михалина раскрыла шкаф и обозрела свой жалкий гардероб. Ничего такого, о чем бы она не знала, в шкафу не обнаружилось...

– Ну? – поторопил муж. Он ждал отчета о переговорах.

– Стефа обещает оплатить мне дорогу.

Известие было встречено настораживающим молчанием.

Михалина чуть не с головой нырнула в шкаф, из глубин которого исходил крепкий запах махорки – уж лучше дышать махоркой, чем Митькиной ненавистью. Еще неизвестно, что ядовитее.

– Значит, поедешь к своей ляшке? – желчно поинтересовался супруг.

Михасю охватила мгновенная, неизведанная, ни с чем несравнимая радость:

– Значит, поеду.

– Ну – ну. – Яд стекал с Митькиного языка и капал на когды – то рыжий коврик. – Давай – давай. Сколько волка не корми, он в лес смотрит.

– Мить, – вздохнула Михалина, – при чем здесь волки?

– Между прочим, мы это уже проходили.

– Что? – Михася слушала краем уха – ее удручало состояние туалетов.

– Ополячивание и окатоличивание.

– Что? – Крайне удивленная, она вынырнула из – за дверки шкафа и уставилась на мужа. Рот у нее так и остался открытым.

– Что слышала! – Недомерок воинственно скрестил безволосые тощие ручонки на впадом животе.

– Это Стефа меня, что ли, ополячит и окатоличит?

– Ну, со мной – то у нее этот номер не пройдет!

Хитрющий хохол, Недобитюх никогда не устраивал акций протеста в присутствии Стефании. Идти против свояченицы – все равно, что переходить улицу в неполюженном месте: можно костей не собрать.

– На всякий случай: я уже католичка и полька, – с истинно шляхетским достоинством сообщила Михася, тщетно пытаясь закрыть дверцы шкафа. Литературный вариант «полька» она использовала умышленно, но на Митьку образованность супруги впечатления не произвела.

– Ой – ей – ей, нашлась полячка, – с гнусной улыбочкой пропел он. – Ты по – польски ни бельмес, и в костел – то ходишь раз в год по обещанию. – Беспристрастность в оценках и Митяй – понятия несовместимые, спорить с ним бесполезно.

Михася отпустила дверцы, и они со скрипом разъехались, образовав приличную щель.

– Ты вообще не ходишь в церковь, но остаешься православным. Или нет?

– Я? – По физиономии мужа скользнуло нечто, похожее на замешательство. – Нашла что сравнить! Я – совсем другое дело. Казаки ляхам не по зубам. Кишка у вас тонка.

Волосы на голове у Михалины зашевелились. Вот только межконфессиональных и межнациональных конфликтов для полного счастья им и не хватает!

– Вас на сто двадцать лет стерли с карты, и правильно сделали, – несло Митьку. – Всех поляков нужно было ассимилировать, а кто не желает обращаться в православие, того ссылать.

– Дурак, – коротко отозвалась жена. Оказывается, супруг рассчитывал ассимилировать ее, а она даже фамилию не сменила.

– Марина Мнишек, – процедил Митька в ее сторону. – А как же плантация?

Дмитрий намекал на огород.

Михалина тяготела к дизайну, но все ее попытки европеизировать участок натыкались на Митяя.

Ясное дело, супруг традиционно засеивал все шестьдесят соток царицей всех культур – бульбой (кто не в курсе, бульба – это картошка) и любовался ими, как некоторые счастливицы – ландшафтным парком в английском стиле. Если бы не Михася, картофельная ботва украшала бы их участок от крылечка до межи. Она даже подозревала, что будь у Митьки такая возможность, он бы распахал и засеял бульбой все бывшие земли Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в границах Люблинской унии.

Палисадник и две клумбы у крыльца Михасе удалось отстоять, но сам факт присутствия бесполезной фауны на огороде разрывал Митяю сердце.

– Весь огород цветами загадила, – плевался во все стороны он. – У всех жены, как жены, а у меня недоразумение. – «Загадила» – эвфемизм, супруг предпочитал другие выражения.

Дмитрий вообще был скуп на комплименты. Единственное, чего жена удостоилась за двадцать лет, так это нежно произнесенного: «скидья ты моя». В ответ на грубость Михася помалкивала и ждала, когда красота спасет мир. Не может же человек вечно оставаться равнодушным к прекрасному. С непонятно откуда взявшейся твердостью (наверное, виной тому была Цыпа) она ответила:

– И ты, и цветник – вы оба перебьетесь.

Совершенно неожиданно в душу закралась надежда: может быть, в свете новой интрижки Суслик денег даст на поездку?

...Уже через сутки домашняя ситуация обострилась.

Поставив перед Митяем ужин, Михася ушла в «залу», как называл большую комнату Митяй в припадке местечкового патриотизма, включила телевизор и попыталась погрузиться в вяло текущий детектив, но так и не вникла в происходящее на экране.

В голове крутился разговор со Стефой, потом мысли переключилась на деньги. У кого она еще не одалживалась?

Деньги, деньги, деньги... Этот эквивалент товара и услуг превратил ее жизнь в череду тоскливых будней. У Михалины не бывало праздников, потому что для праздника нужны деньги.

Митяй появился некстати, спутал мысли, она обратила к супругу лицо, подняла одну бровь. Только веская причина могла привести супруга после ужина в «залу» – новости или футбол он всегда смотрел на кухне.

– Так ты на самом деле решила ехать?

– Мить, – примирительно откликнулась Михася, – а кто бы на моем месте отказался от поездки? Все – таки Стефа моя сестра.

– А я – муж!

– Но я ж не навсегда уезжаю.

– Навсегда – не навсегда. Какая разница?

– Мить! – Михалина сделала еще одну попытку образумить супруга. – Стефа обидится, если я не приеду. У нее круглая дата.

– Давай, давай, слушай эту лахудру. Что она нам х – хорошего сделала? – когда Митяй злился, у него проявлялся логоневроз. – Ведь спе – специально клинья между нами вбивает, спе – специально ссорит. Спит и видит, как развести нас.

Митька почти Маяковский: говорит «мы», подразумевает – «я».

– Скажи еще, специально день рождения себе выдумала.

– Не удивлюсь. Ей же делать не – нечего, вот она от скуки и при – придумывает, как нам напакастить! Стерва, сучка, тьфу, – злобно выплюнул супруг.

– Ну, разумеется, – не сдержалась Михася. – Стерва и сучка, потому что деньги мне дает, а не тебе.

– Что – что!? – живо отреагировал супруг. – Деньги? Эти подачки ты называешь деньгами?

Михалина прошила мужа острым взглядом. Откуда Митяй знает, о каких суммах идет речь?

– Спасибо лучше бы сказал, – устало заметила она. – И вообще, что это ты так разошелся? Что такое случится – то, если я съезжу на пару недель?

Лучше бы она не упоминала о сроках.

Митька побледнел, потом пошел пятнами, потом побагровел:

– Две недели?!

– Да, две недели, – с отчаянной храбростью подтвердила Михася. – Что же я поеду на два дня? Неизвестно, когда еще доведется. Посмотрю город и в Краков, может быть, съездим.

– Хренаков тебе, а не Краков! – перешел на фальцет Митька. – Твой долг быть при муже! Все. Хватит с меня. На – натерпелся. Если ты уедешь, ты мне больше не жена. Горшок об горшок и разбежимся. – Зацелованный чужой Цыпой Суслик непримиримо вздернул подбородок с пробивающейся рыжеватой щетиной. Парадокс, но у блеклого Митяя борода и усы отрастали ярко – рыжими, как у прусака.

Наглость Митяя была все рекорды и могла соперничать только с его нечистоплотностью (нравственной и физической), но Михася не хотела разрыва. В сорок лет пополнить армию разведенок? Нет уж, спасибо.

– Если на сегодня у тебя все, я пойду спать?

Вопрос был праздным – Михася отлично знала: сейчас супруг разогреется, как спортсмен на тренировке, и возьмет вес.

Дмитрий не разочаровал:

– Всю жизнь поражаюсь! – сделал признание супруг. – У самих за душой ни шиша, зад голый, а воображают себя пупами земли. Достала своим выпендрежем. Шляхта, блин. Даже яйца сырые едите, чтоб дерьмо было с гляncем. Думал из тебя человека сделать, только сам опаскудился. – Пламенный спич супруг завершил «большим петровским загибом».

Это было уже слишком. Митяй пришел на все готовое. Дом с участком – бабушкино наследство.

Гордая шляхетская кровь ударила Михасе в голову, она вскочила с дивана.

– Пса крев, – выдохнула в лицо Суслику и вылетела из «залы».

Оказавшись за дверью своей кельи, обнаружила, что ее трясет. Руки противно дрожали, сердце выскакивало из груди.

Пса крев. Двадцать лет брака летели псу под хвост.

Михася рухнула на постель и невидящим взором уставилась в потолок. Нужно было успокоиться и все обдумать.

В руках у Михалины оказались четки, губы привычно зашептали молитвы из Розария Богородицы.

Буря в душе постепенно улеглась.

Вопрос первый: серьезно Митька сказал о разводе или так, для профилактики?

Если серьезно, то Стефания – тот человек, который ей сейчас нужен, чтобы не умереть от горя.

А если он это сказал от злости, то пока она будет проветриваться в поездке, они оба остынут, отдохнут друг от друга и посмотрят на все под другим углом.

Интересно, под каким углом можно посмотреть на Суслика и его Цыпу? Тут проветривайся – не проветривайся...

Значит, она остается...

Все – таки как было бы хорошо отправиться в Варшаву, побродить по старому городу, поймать на себе хотя бы один – единственный мужской взгляд – трезвый! – и почувствовать себя молодой и интересной...

Идея была такой заманчивой, что доводы разума умолкли. В конце концов, можно повторить подвиг Кейта Райта, доехать на электричке до границы, переночевать на вокзале. Оттуда – по Билету Путешественника добраться до Тереспоя...

По здравом помышлении этот вариант путешествий пришлось исключить. Все – таки она не одержимый Кейт Райт...

С другой стороны...

Деньги в семье были у каждого свои, общих не было.

Митяй аргументировал это тем, что ему приходится содержать сыновей, но Михася знала, что Броня с Алесем все время подрабатывают. К тому же особенно чадолюбивым отцом Митяй никогда не был. Несколько раз сводил наследников в походы – на этом его фантазия иссякла. В то, что Митяй балует сыновей, Михася не верила. Скорее, на своих шлюх потратит, чем на детей.

Так или иначе, под контролем Митяя она вела хозяйство на свои кровные и еще выслушивала лекции о расточительности, как об одном из библейских грехов.

В этом вопросе Дмитрий был истово верующим человеком: он верил, что бережливость – это главная женская добродетель.

* * *

... Еще до того, как она вошла в купе, Герасимов почувствовал неосознанное волнение. Он напряг слух.

В узком проходе толпились пассажиры, кто – то кого – то просил убрать багаж, кто – то спрашивал, сколько ехать до границы. Проводница отдавала короткие команды, в тонкие перегородки бились тяжелые сумки, с глухим рокотом откатывались купейные двери.

Высокая и худенькая, как девочка, в купе заглянула женщина средних лет.

– Здравствуйте, – смущенно поздоровалась она и поискала глазами номера над полками.

Смущением и детской полуулыбкой женщина навела стершиеся из памяти светлые женские образы: Татьяны Лариной, например, Натальи Ростовской и мамы...

Забыв о приличиях, статусе, возрасте и сопутствующих неприятностях, таких, как бессонница, артрит и супружеская неверность, Герасимов силился и не мог оторвать глаз от строгого лица, вокруг которого парили завитки светлых волос, беспощадно стянутых на затылке в хвост.

Каждое движение незнакомки, каждый наклон, поворот головы доставляли Герасимову эстетическое наслаждение.

Он не мог понять природу этой притягательности, и мучительно искал разгадку. На слово «сексуальность» у Герасимова была идиосинкразия, но именно оно, это ненавистное слово настойчиво лезло в голову.

Поезд чуть заметно тронулся, вместе с составом тронулись мозги.

Перед мысленным взором Герасимова незнакомка вдруг престала обнаженной, с распущенными волосами...

Видение застало Герасимова врасплох и вызвало кратковременную, как у больных с диагнозом «мерцающая аритмия», остановку сердца. Дыхание у несчастного сбилось, и понадобилось несколько минут, чтобы его восстановить. Не спасли даже две пуговицы у горла, расстегнутые дрожащей рукой.

Герасимов впал в тихую панику. Что это с ним? Кризис среднего возраста? Откуда?

Он, умудренный, битый жизнью и знающий себе цену мужик, а ведет себя, как... Как прыщавый юнец... Как параноик...

Никто, к счастью, не заметил его состояния.

Охмуря обеих попутчиц, Борис, как обычно, захлопал крыльями, распустил хвост, и Герасимов надежно спрятался в их благословенной тени.

До конца поездки делал все, чтобы не привлекать к себе внимания, но украдкой, как школяр, подсматривал за попутчицей, у которой ко всему оказалось божественное – иначе просто не могло быть – имя. Михалина. Михася.

Имя давало волю воображению. Можно было придумать массу вариантов на его тему, чем Герасимов и увлекся, когда все подались в буфет или ресторан (Герасимов не запомнил), и он остался в купе один.

Он грыз куриную ножку, с озорством шестиклассника поглядывал на болтающийся на крючке кожаный рюкзак, мгновенно причисленный к фетишам, и выкраивал из восьми букв – считал на пальцах! – новые и новые имена: Мишуся – Шуся. Михалька – Милька – Алька. Мишель. Мишелька – вермишелька.

Это была игра, похожая на игру в города, в которых не судьба побывать...

* * *

... К тому времени, как Михалина с Чарнецким появились в вагоне – ресторане, Катька уже уписывала салат из грибов и языка и делала вид, что пустая рюмка (явно из – под водки) никакого отношения к ней не имеет. Завидев соседей по купе, она помахала когтистой лапкой, как давним знакомым.

– Есть хочу, не могу, – доверительно сообщила она, как только Чарнецкий, пропустив Михасю к окну, расположился на диванчике. – С утра во рту ни крошки.

– Вы, наверное, на рынке работаете? – придав голосу сочувствие, спросила Михалина.

Спросила из вредности, рассчитывая открыть господину Чарнецкому глаза на их соседку.

– Да, – неохотно открыла карты Катька. – Челночничая.

Михалина бросила торжествующий взгляд на Чарнецкого. Публицист не поддался на ухищрения:

– Никогда бы не подумал, – со сладкой улыбкой молвил он.

Тут подошла официантка, и разговор перекинулся на еду.

Скрепя сердце Михася заказала бокал красного и такой же, как у Катьки, салат – язык с грибами. Публицист попросил сто пятьдесят коньяка, оливки и мясо с картофелем фри, а Катька – двести водки и оливье.

Путешествие «all inclusive» продолжалось.

Первыми официантка принесла, как водится, выпивку и оливки. Подождав, пока девушка расставит все в соответствии с пожеланиями, Чарнецкий сказал тост:

– Дорогие дамы, я путешественник со стажем, и у меня есть примета: если везет с попутчиками – повезет в поездке. Мне повезло оказаться в столь приятном обществе (публицист каждую ошастливил улыбкой), так что я теперь не сомневаюсь: командировка получится незабываемой, может быть, даже потрясающей. Выпьем за удачное начало. Оно, как известно, всему голова.

Еще лет пять назад... даже три года назад Михалина, пожалуй, стала бы поклонницей концепции Чарнецкого, но сейчас, в Катькином присутствии (особенно в Катькином присутствии) псевдо – философские экзерсисы ничего, кроме скепсиса не вызвали.

И потом, пока она тут шикает на последние, Суслика целуют «куда захотят» – не очень романтический фон для путешествий.

– Угощайтесь, – Чарнецкий подвинул оливки на середину столика.

Михася сделала экономный глоток вина, а Чарнецкий с Катькой хлопнули по пятьдесят.

Жеманно отставив мизинец, чертова кукла двумя пальцами взяла оливку, поставила локти на край столика, от чего голова утонула в плечах, сделав ее похожей на китайского болванчика. Наглые глазенки утюжили господина публициста.

В Михалине тут же подняла голову обманутая жена. С инстинктивной неприязнью глядя на крашеную девицу, она вдруг уверовала, что Митяя соблазнила вот такая же шельма.

Михалина тихонько вдохнула о забытых четках.

Чарнецкий смотрел на Катькины этюды мужским тяжелым взглядом в упор, в лице проступило что – то животное...

– Ну, рассказывайте, – потребовала шельма.

– Что бы вы хотели услышать? – прохрипел публицист.

– О чем вы пишете? – Катька, дрянь, поводила оливкой по нижней губе, потом по верхней, потом лизнула ее, потом принялась посасывать...

Краевед разволновался.

Катька и Борис сидели друг напротив друга, и не требовалось большого ума или изощренного воображения, чтобы представить, как Катькины колени легонько касаются колен публициста. Или оказались между ними... А может, Катькина ступня с педикюром уже обвинилась вокруг брутальной волосатой лодыжки...

Теория Чарнецкого оправдывала себя прямо на глазах у изумленной публики. Михася не знала, куда деваться. Захотелось подняться и уйти, причем, она была уверена, что эти двое даже не заметят ее исчезновения. А если заметят, то не испытают по этому поводу никакого раскаяния.

Эта обидная мысль и – главное! – нетронутый салат придали ей решимости.

Михалина почувствовала ожесточение. Ну, уж нет.

В отместку попыталась проделать с оливкой тот же фокус, но подлая оливка выскользнула из пальцев и укатилась, причем все стали заглядывать под стол, будто собирались достать ее и вернуть Михалине на тарелку.

– Я пишу на исторические темы. – Поправив очки, публицист кашлянул в кулак. – Увлекаюсь краеведением. В общем, дамам это не интересно.

– Вам не везет с женщинами? – тоном злобной фурии поинтересовалась Михалина.

Чертова кукла ехидно прыснула, а Чарнецкий, напустив на себя простодушный вид, сознался:

– Я женат в третий раз – не знаю, это везение или неудача?

Катька залилась визгливым смехом, и Михася со свирепым видом переключилась на нее:

– А вы, Катя, замужем?

Бестия оказалась прирожденной соблазнительницей.

– А давайте выпьем, – ловко ушла от ответа она.

Возражений предложение не встретило, Борис налил себе и Катке, все подняли бокалы и выпили за успешное продолжение путешествия. Сделав глоток, Михалина повторила вопрос:

– Так что, Катя, вы замужем?

– До чего ж ты любопытная! – после второй Катька отбросила церемонии.

– С кем поведешься. – О сладостном бесстрастии Михалина благополучно забыла. Катьку она уже тихо ненавидела.

– Ты похожа на мою мамашку.

Обмен любезностями был прерван появлением официантки с закусками. За столом произошло понятное оживление, и это дало Михалине фору. С ответом она нашлась, только когда официантка отошла:

– Слава богу, у меня нет дочери.

– У тебя сыновья? – Не дожидаясь тоста, Катька опрокинула очередные наркомовские. Ее развизило на глазах.

– Двое, – буркнула Михася и принялась за салат.

– Да вы что? Никогда бы не подумал! – воскликнул Чарнецкий, и Михася сразу же все простила журналисту, хотя это и была очевидная, грубая лесть.

– Да ладно, Борюсик. – Язык у Катьки уже слегка заплетался. – У нее же на лбу написано: мать и верная жена. Брак – один на всю жизнь, дети – смысл жизни. Ни одной интрижки, ни одного поцелуя на стороне. Пояс верности на тебе?

Михалина слушала эту дрянь и ощущала, как кровь приливает к голове. Пальцы нервно обвилились вокруг ножки бокала. Выпить вино или выплеснуть в наглую рожу, – колебалась она.

– Завидуешь? – Михася все – таки склонилась к мысли не прибегать к радикальным мерам, и сделала еще один глоток, уже не такой экономный.

– Девочки, – расстроился краевед – публицист. – Ну, зачем же вы так? Женщин должно быть много и разных. Одному одни нравятся, другому другие.

– Да ради бога, – противно ухмыльнулась бестия. – Просто от нее скукой разит, как от нашего сантехника пивом: за версту.

– Интересно. А вам какие нравятся? – Михалина повернула лицо к Чарнецкому, натолкнулась на снисходительный взгляд и почувствовала себя серой, провинциальной, стареющей дурой. Она уже жалела о том, что пошла в ресторан. Лучше бы осталась в купе со стриженным бедуином.

– Признаюсь, я не однолюб, и идеальным мужем меня назвать нельзя, – с подкупающей самоиронией сообщил господин Чарнецкий. – И в разном возрасте мне нравились разные женщины. В юности – такие, на которых можно положиться: серьезные, ответственные, домовитые. Такие, как вы, – адресовался Михалине господин Чарнецкий. – Потом...

– Потом такие, как я, – вернула Катька.

– Да, – не стал запариться Чарнецкий. – Вы угадали. Вторая моя жена была на вас похожа. Такая же отчаянная любительница ресторанов и компаний.

– А третья? – раздраженно спросила Михалина.

– А третья...

Чарнецкий не успел завершить сравнительную характеристику жен – у Катьки зазвонил телефон.

– Да? – Видно было, что звонок не доставил удовольствия бестии. Она отложила вилку и поднялась с места, но тут же плюхнулась обратно.

Со второй попытки выдре удалось встать, и, пошатываясь, она удалилась в тамбур.

Оставшись вдвоем с Чарнецким, Михася поняла, насколько же одичала за Небитюхом!

Проведя в браке двадцать лет, она совершенно разучилась вести себя в обществе. Ее сковало напряжение, она не знала, о чем говорить, как сесть, куда девать руки. Секунды превращались в минуты, а она не могла заставить себя оторвать глаза от окна. Это было смешно: за окном не видно было ни зги.

Глядя на проносившиеся в отдалении редкие огоньки, Михася вспомнила дом, свою семью и мужа.

Неожиданно на ум пришло сравнение с маминым прадедом, бежавшим с пересылки в Сибири, и необыкновенное чувство освобождения охватило ее, и даже мелькнула шальная мысль: побеги у них, Трацевских, в крови.

Страшно – да, было, но еще сильнее страха было любопытство. Что там, за колючей проволокой?

Изменения приобретали лавинообразный характер: Михалина не заметила, как осушила бокал.

Минуту назад развод представлялся ей черным пятном на биографии, убийственной процедурой, придуманной фарисеями и чернокнижниками как месть за Евин грех. И вдруг в вагоне – ресторане, уносящем ее на запад, под стук колес, после бокала вина слово заиграло совсем другими красками, совсем другими...

Страх и любопытство – не эти ли чувства испытывала Ева перед грехопадением? Конечно, мужчины свалили всю вину на прародительницу, но Адам! Адам ведь мог и отказаться! Может, в этом и состоит истинное предназначение женщины – проверять мужчин на вшивость?

Она поняла, что улыбается.

* * *

... Ей не было восемнадцати, когда она влюбилась, как утонула.

Едва взглянув на Митьку, мама предупредила:

– Испортишь породу.

Так уж сложилось, что о породе Трацевские всегда пеклись, как мошенники о репутации, или сомнительные красавицы – о внешности.

Фамилия корнями уходила в польскую шляхту. Семейное предание сохранило историю о прапрадеде по материнской линии, который за участие в польском восстании 1863 года был сослан в Сибирь, откуда ему удалось бежать – поступок достойный шляхтича.

Прадед служил в белой гвардии, а деда дважды арестовывали в 1937 и он бежал дважды, перещеголяв прапрадеда.

Бабушка до конца своих дней называла окружающих «мужиками», намекая, что она из «панов».

Все девочки в браке оставляли себе девичью фамилию. Так поступили прабабушка с бабушкой, так поступила мама, и Михалине со Стефанией ничего не оставалось, как продолжить традицию: если не гены, то фамилию у них было не отнять.

О том, что молодая жена оставила себе девичью фамилию, Митька узнал не сразу, а почти через год после бракосочетания, и то случайно. Простить жене этого он так и не смог, и при любом удобном случае тыкал Михалине в нос неподтвержденным – он так считал – шляхетством.

Но Михася все равно держалась молодцом, даже когда выяснилось, что:

она любит зеленый борщ, а муж – украинский;

она предпочитает курицу, он – сало;

он – православный, а она крещена в католичестве;

она – кошатница, он – собачник.

Это не считая того, что Михася мерзла, когда мужу было жарко.

Ну, и по мелочи: он парился в бане раз в неделю, а она плескалась в ванной два раза в день. Михалина была редкой сладкоежкой, а Митька вообще не ел сладкого. Муж курил, а она не выносила табачного дыма.

При таких исходных данных не удивительно, что мама смирилась с наличием Митяя только после того, как дочь родила двойню – до этого еще надеялась....

На то, чтобы охмурить папу, у Митяя ушел один день. Этот день они с отцом провели на охоте, поэтому трезвый, папа воздерживался от комментариев. Только когда пропускал сто пятьдесят, бубнил что – то про мегаломанию поляков, дутые «гонар і годнасць», то есть, честь и достоинство.

Стефания взывала к гордости сестры, а когда и это не помогло, перешла в пожизненную оппозицию к Митяю.

Ксендз Яцек пытался осторожно образумить безумицу, и тоже мимо.

– Михалина, – тихо шелестел Яцек, – экуменизм – это хорошо, но еще лучше, чтобы вы с мужем были единоверцами. Может быть, тебе удастся убедить его принять католичество?

Когда Михася со всей возможной деликатностью довела до сведения Митьки предложение ксендза, тот обозвал Яцека иезуитским шпионом и прихвостнем ЦРУ, и выступил с пафосным заявлением:

– Я приму католицизм в одном только случае: если Польша войдет в состав Украины.

Дальше – больше.

Вскоре после свадьбы до Михаси докатились слухи, будто Митька взял ее в жены из жалости. Всем и каждому муж рассказывал байку про то, что если б не он, то быть младшей Трацевской – то есть Михалине – старой девой. Дескать, длинная, тощая зануда – чисто-плюйка (так супруг интерпретировал девичью невинность) – не большая радость для такого гарного хлопца, как он.

Все было с точностью наоборот: процентов на девяносто любовь Михалины к Митяю состояла из жалости.

Двадцать лет назад Митька представлял собой нечто из серии «первый парень на деревне, а в деревне один дом».

Кольцо – печатка на мизинце с отращенным ногтем, сапоги со шпорами и джинсы в обтяжку. За неимением «стетсона» Митька с ранней весны до глубокой осени носил экспропрированную у кого – то шляпу типа «джаз». Кожаную, с простроченными полями, с дырочками по бокам для вентиляции....

Все двадцать лет Михася будет внушать Митьке, что с его плюгавым ростом (метр в прыжке) от шляп лучше вовсе отказаться. Результат сказался, и в гардеробе мужа к сорока годам появились стыдливые кепки, удачно завершавшие пролетарский образ.

Но когда они встретились в первый раз, Митька был как раз в этой самой шляпе. Встреча вышла незабываемой.

За распитие спиртных напитков и драку в общественном месте Митьку задержали на пятнадцать суток. В компании себе подобных под присмотром какого – то милицейского чина он хаотично двигался по дорожкам в парке Победы, выписывая метлой странные вензеля – создавал видимость уборки.

Приметив длинную и худую девушку, дефилирующую по аллее с опрокинутым лицом, Митька, как в грузинском народном танце, слету упал на колени и обратился к ней с коротким словом, ставшим судьбоносным:

– Красавица, не дай помереть. Голова раскалывается. Купи бутылочку пива.

Михасе потребовалось некоторое время, чтобы отойти от испуга.

Митька ждал, просительно глядя снизу вверх. Мелкий, как подросток, неухоженный, с подбитым глазом – обнять и плакать. Было, где разгуляться материнскому инстинкту вкупе с католическим миссионерством.

Нежная душа Михалины откликнулась на чужое горе, и она купила... упаковку аспирина.

Потом с удивлением узнала, что сама Митьке на шею вешалась. Представить себе такую картину у Михаси не хватало воображения: если бы она повисла у Митя на шее, ее ноги волочились бы по земле, и колени бы она стесала до костей, поскольку была чуть ни на голову выше мужа.

Но свое дело Митяй сделал: он привил жене комплекс неполноценности. Михалина стала стесняться своего роста. Вопреки всякой логике, Митька не стеснялся путаться у жены под коленками, а она стеснялась того, что он путается у нее под коленками. Ее угнетало подспудное чувство, что низкий рост мужа – свидетельство мезальянса.

Со временем у Михаси даже походка выработалась какая-то пришибленная. Она стремилась стать ниже ростом, видимо, в надежде, что мезальянс перестанет бросаться людям в глаза, если она научится ходить на полусогнутых.

Обиднее всего было другое. Под ее неусыпным руководством Митяй вылюднел, как говорится, и женщины это заметили.

И началось.

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Михалина прошла через пьяные скандалы, драки, звонки с угрозами и битые окна.

Тем не менее, все двадцать лет Дмитрий пребывал в полной уверенности, что сделал жену счастливой обладательницей джек – пота. Тот факт, что карта оказалась крапленой, муж стыдливо обходил молчанием. Любой женщине стало бы обидно, но Михасе было обидно вдвойне, потому что она – Трацевская.

Но чтоб ей пропасть! Фамилия... Чертова фамилия не позволяла Михалине Трацевской признать семейную жизнь неудавшейся!

* * *

...– Михалина, – позвал Чарнецкий, – вы где?

Михася перевела непонимающий взгляд на собеседника.

– Что?

– Замечались?

– Да, немного, – смутилась Михася.

– Можно я угощу вас?

– Нет-нет, что вы, мне хватит, – не очень убедительно отказалась она.

– Ну, не могу же я пить один, – посмеиваясь в усы, аргументировал свое предложение Борис. – Мне нужен компаньон. Всего бокал вина, да? Вы позволите?

В голове у Михаси, как стая ворон, взметнулись вопросы: что такое? Зачем? Как это будет выглядеть? Вдруг он подумает, что она алкоголичка? Как себя вести с мужчиной, который угостил тебя вином? Прилично ли замужней женщине пить со случайным знакомым? Все-таки она католичка, что бы по этому поводу ни говорил Митяй...

– Михалина, это всего лишь бокал вина.

Матка Боска. Да над ней, непроходимой деревенщиной, уже открыто смеются! Сначала Катька, теперь Борис.

Пока она лихорадочно искала достойный ответ, попутчик подозвал официантку и сделал заказ.

Михалине ничего не оставалось, как принять дары данайцев.

Тамадой Чарнецкий был средней руки, тосты отличались редким однообразием, и они в очередной раз выпили за удачное путешествие. Причем внимание Михалины привлек тот факт, что Чарнецкий все пить не стал, и ей это жутко понравилось. Митька бы махнул все сразу, будь у него хоть стакан.

– А чем занимается ваш коллега? Почему он такой неприветливый? – чтобы не молчать, спросила Михалина.

Чарнецкий посмотрел на нее искоса:

– Платон? Платон у нас любитель старины. Кроме того, у него неприятности в семье, он разводится, – Чарнецкий промокнул рот салфеткой. – А для него это настоящая катастрофа. В отличие от меня, Платон Фархатович очень дорожил семьей. Думает, что разбитая семейная лодка – это разбитая жизнь.

– Тогда почему он разводится?

– Жена ему изменила.

– Он застал ее с другим?

– Нет. Она сама ему все разболтала, – с плохо маскируемым презрением произнес Чарнецкий. – Сама! Не могла носить в себе эту новость. Сдержанность – не ее удел.

Михалина не приняла тона своего собеседника.

– Наверное, ей надоело врать. – Помимо воли, в голосе прозвучала горечь.

Припав к бокалу, она сделала жадный глоток.

Борис вдруг придвинулся к спутнице:

– А теперь скажите, – он тронул ее за локоть, – это все правда – все, что наплела тут о вас Катерина?

Михася едва не подавилась.

Повернула к Чарнецкому пылающее лицо, намереваясь поставить наглеца на место, но слова не шли с языка. С каждой секундой она чувствовала себя все глупее.

Выражение глаз Чарнецкого поймать не удавалось из – за очков, но Михалину ужасно смущали выбритые до синевы скулы, аккуратно постриженные усы и губы, о которых она почему – то знала точно, что они окаянные.

Пришлось признать, что ее нравственность оказалась на поверку не такой уж незыблемой. А, может, ее, нравственности, вовсе не существовало? Может, это был все тот же эффект Недобитюха, который она принимала за нравственность?

Неприятно удивленная открытием, Михася впала в задумчивость, и публицист решил ей помочь:

– Про верную жену, единственный брак и смысл жизни – это правда?

Поезд нес Михалину в Варшаву, она сидела в вагоне – ресторане, ее попутчиком был публицист – журналист – краевед и просто красавец, в крови бродило рубиновое Мысхако ... Назовите хотя бы одного человека, кто бы в таких обстоятельствах сказал о себе правду? Не считая Мюнхгаузена.

Вот и она...

Михалине неудержимо захотелось ответить Чарнецкому, что она тоже третий раз замужем, или что она нимфоманка. Или что ее любовнику тридцать лет. А еще лучше – двадцать.

Не удивительно, что она сама не поняла, как в одно мгновение упразднила двадцатилетний брак и разделалась с Недобитюхом:

– Я разведена. У меня был друг, но мы расстались недавно.

– Давно развелись? – Чарнецкий скосил глаз на безымянный палец правой руки собеседницы. Кольца на нем не было! Ха! Она же католичка!

Чувствуя преступную безнаказанность, Михася продолжала с упоением:

– Да, давно! Привыкла, знаете, жить одна. Сама себе хозяйка. С кем захотела, с тем встретилась, не захотела – простила. Не люблю обязательств.

Это уже были не просто метаморфозы – это пахивало деформацией личности. Из добропорядочной матери семейства Михалина Трацевская стремительно превращалась в лгунью и искательницу приключений.

Так, дорогая, тебе достаточно. Михася с опаской отставила рубиновый бокал.

К чести Михалины, состояние опьянения ей никогда не нравилось. Тут они с Митяем опять кардинально расходились во взглядах. Он искренне недоумевал: «А зачем тогда вообще пить?».

Состав в этот момент сильно дернулся, вагон – ресторан тряхнуло, посуда угрожающе звякнула.

Михася придержала бокал с вином и не заметила, как оказалась зажатой между Чарнецким и ножкой столика. В считанные секунды все ее мысли и все чувства сосредоточились на ноге, к которой прижималось мужское бедро.

Борис не торопился отодвинуться. Смущению Михалины не было предела.

Она подняла глаза и поняла, что поезд несет ее не в Варшаву – нет. Поезд несет ее напрямик в геенну огненную.

Свиета Мария!

Куда делось ее хваленое, сладостное бесстрашие, которым она втайне гордилась?

Чувствуя себя совершенно беспомощной перед мошенником, который ловко прикидывается журналистом, Михася ждала Катьку, как ангела – хранителя.

– Вы совсем не искушены, – завершил наблюдение публицист.

– А вы развращены женским вниманием, – огрызнулась она.

– Это же классика: мужчина должен быть развращенным, а женщина – неискушенной.

– Все хорошо в меру. И даже в классике вариантов значительно больше. Взять хотя бы вас и Катерину.

– Да, – с хмельной бесшабашностью согласился Борис, – Катька та еще штучка. Я уже стар для таких акул.

– Неужели? – С языка просилась какая-нибудь гадость. В этот момент Катька материализовалась у столика, спикировала на диванчик, чуть не сдернув скатерть со всем, что на ней стояло, и небрежно бросила:

– Борюсик, налейте – ка мне.

Господин Чарнецкий только хвостиком не завилал.

Пса крев! Со dna католической души Михаси поднялась и затопила рассудок заурядная, пошлая, совершенно не христианская ревность: как этой кукле удастся манипулировать симпатягой – публицистом? В ней же только и достоинств, что молодость. Где глаза у него?

– Так на чем мы остановились? – Катька, не морщась, опрокинула последние пятьдесят и закусила остатками оливье.

– Ты интересовалась третьим браком Бориса, – любезно подсказала Михалина.

Подсказка была с душком. Это была попытка загрести жар чужими руками. Происхождение и воспитание не позволяло Михалине задавать Чарнецкому вопросы, а крашеной выдре все с рук сойдет.

– А! Да! Ну, так как? – Катька попыталась придать пьяному взгляду серьезное выражение.

Борис пожал плечами:

– Моей третьей жене двадцать три.

– Ух, ты какой! – Икнув, Катька погрозила Борису пальцем.

– Вот такой отчаянный я парень, – без тени самодовольства, скорее с тихой печалью констатировал Чарнецкий.

Икота не проходила, Катька содрогалась от спазмов.

– А тебе сколько? – выдавила она, – не боишься, ик, оставлять ее без присмотра, ик?

– Я старше жены на восемнадцать лет. Конечно, она развлекается, но это вполне невинные развлечения, – с самоуверенностью мужчины, у которого нет проблем с потенцией, заявил Борис. – К тому же она может это сделать в любое время, не только в мое отсутствие. Я не слежу за женой.

– А зря. – Катька присосалась к соку, но только оторвалась от стакана, снова икнула. – А ты не боишься оставлять своего мужа? – Пьяный взгляд переместился на Михалину.

– Вдохни, – посоветовала та, – и не дыши. – Другого способа заткнуть бестию не было.

– Как на рентгене?

– Да, как на рентгене.

Раздув щеки, Катька набрала в легкие воздуха и стала похожа на себя в детстве.

– Я ничего нового не скажу, это общеизвестный факт: для некоторых измена – как спорт, – разглагольствовал Чарнецкий. – Если есть препятствие, его нужно преодолеть. Чем больше препятствий, тем азартней игра. Я не хочу быть для жены препятствием, поэтому у нас свободные отношения.

– Но это же самообман! – с непонятной ей самой горячностью возразила Михася. – Это означает, что вам безразличен человек.

Опыт. Собственный опыт выдал ее с головой.

– О – о, – выдохнула Катька, – это от неуверенности. Самообман считать, что ревность – это любовь. Ревность – это эгоизм и самолюбие.

Ну, конечно! Теперь рыночная торговка будет читать тебе проповедь – Михалине с трудом удалось подавить раздражение.

– Вот – вот, – поддакнул публицист, – совершенно с тобой согласен. С вами.

– Да ладно тебе, – Катька поморщилась. Икать она, наконец, перестала. – Мы уже почти в Польше, так что зови меня Катарина.

– Договорились. Что? – обратился Борис к притихшей Михалине. – Еще вина?

Момент был подходящим. Повторять заказ Михася не собиралась, слушать пошлый треп было противно, еще противней было осознавать, что Катька, зарабатывая очки перед публицистом, своими бестактными замечаниями зацепила ее.

– Нет – нет, все. – Михалина оглянулась в поисках официантки, и подозвала ее, намереваясь расплатиться и отправиться в купе, но совершенно неожиданно Борис воспротивился:

– Михалина, подождите, – с мягкой настойчивостью попросил он. – Не разбивайте компанию, через полтора часа граница, так или иначе нам придется покинуть это чудное место. – Сквозь линзы очков проглядывал просительный взгляд.

– Нет – нет, – сухо повторила Михася, – мне пора, а вы оставайтесь, тем более, что у вас есть, о чем поговорить, как я вижу.

«Дура», – мысленно простонала она, ожидая, что Катька сейчас же оттянется на ее счет. К счастью, чертова кукла пропустила реплику.

Зато Борис, кажется, с готовностью подхватил эстафету. Он даже не подумал выпустить Михасю из загона у окошка, а подошедшей официантке были заказаны вино и маслины.

– Я что – то не поняла, – Катька соображала туго, но еще соображала. – Ты с ней или со мной?

– Никак не могу выбрать. – Борис отослал девице ослепительную улыбку.

Катька взвизгнула (это она так смеялась), а Михасю бросило в жар.

– Выпустите меня, – проблеяла она.

– Простите, Михалина, – Борис с силой сжал ей руку под столом. – Обещаю: больше у вас не будет повода сердиться на меня.

Высвободив руку, Михалина с независимым видом отвернулась к непроницаемому окну. Ей ничего не оставалось, как рассматривать свое отражение в стекле: голову в бараш-

ках светлых колец, высокий лоб, под ним черные провалы глазниц и худощавое скуластое лицо с прямым носом.

– Выпусти ее, – послышался противный – противнее некуда – Катькин голос. – Ей пора, сейчас ее остановка.

Намек был более чем прозрачным.

Михалина решительно повернулась и, опустив глаза, ждала, когда Чарнецкий освободит выход. Ладонь Бориса снова сжала ей пальцы.

Не выпуская Михалину, публицист – краевед наклонился к Катьке через стол и тоном, которым говорят с расшалившимся ребенком, произнес:

– Катарина, тебе уже хватит.

– Все. Беру тайм – аут, – неожиданно объявила бестия. – Мне нужно проветриться.

Не в силах поверить в то, что это случится, что Катька просто возьмет и уйдет, Михася вскинула на нее глаза. Все ясно.

Выдре стало плохо. Ничего удивительного – почти без закуски хлопнуть стакан водки...

Ксендз Яцек мог бы гордиться Михалиной: низкое чувство мстительной радости в ее душе вспыхнуло и погасло, уступив место состраданию. Нежнейшим голоском сестры – бенедиктинки она предложила:

– Тебя проводить?

– Не пошла бы ты. – Катька вцепилась загнутыми когтями в край стола и снялась с места. За ужин она не заплатила.

Так этому греховоднику и надо, не без удовольствия подумала Михася, глядя в спину пьянчужке. Пьянчужка прокладывала себе маршрут, как муха по стеклу.

– Ну, вот, – пространно прокомментировал Борис. В интонации явственно присутствовало облегчение.

– А мне показалось, что она вам понравилась. – Губы у Михаси кривились.

Официантка с подносом заслонила Катькину фигуру, на столе появились еще один бокал вина и рюмка коньяку, на этот раз с сыром и маслинами.

– Вам не показалось, – заверил ее Борис, когда официантка отчалела.

Михалина пригубила вина.

– Не поняла.

Здесь Борис Чарнецкий показал свою мужскую – или журналистскую? – природу:

– Все элементарно. Передо мной красавица и доступная красавица. Кого я выберу?

– И кого же? – глупо переспросила Михася, хотя ответ лежал на поверхности.

– В данном конкретном случае – доступную красавицу. Я ж не жениться собираюсь по пути в Варшаву, а только провести время.

– Это-то как раз понятно. – Михалина начала злиться. – Не понятно другое: зачем вы меня удержали?

– А это просто. Чтобы посмотреть на вашу и ее реакцию. Мне было интересно, как она себя поведет. Как вы себя поведете. Вы же такие разные.

– То есть, вы нас пытались сравнить?

– Ну, зачем так грубо? Я бы назвал это столкновением интересов.

– А если бы она в меня вцепилась? – Михалина знала, о чем говорит!

– Думаете? – оживился господин публицист. – Хотя, вы правы, такие способны на многое. Характер.

– Уличное воспитание это, а не характер. – Михася смерила журналиста – публициста взглядом сверху вниз. – Мне пора. Позвольте, я выйду.

Неожиданно Чарнецкий, посверкивая очочками, наклонился так близко, что зашекотал спутницу усами:

– Вам идет сердиться. – По щеке Михалины заскользило подогретое алкоголем дыхание.

– Перестаньте строить из себя Дон Жуана, – вспыхнула она.

– Упаси бог. Кто Дон Жуан? Я?

– Поднимитесь и выпустите меня!

На них стали оглядываться.

– Тише, тише, – господин Чарнецкий смотрел с веселым изумлением. – Уже поднимаюсь!

Тут Михалина опомнилась, полезла в задний карман джинсов за кошельком, но Борис перехватил ее руку:

– Не вздумайте. Я обижусь.

Михася почувствовала себя сбитой с толку.

Этот жест... великодушия? Корысти? Чего? Жест выглядел крайне подозрительным. Вдруг публицист потребует вернуть долг натурой?

Тут в Михалине проснулось здоровое чувство юмора: ты на себя посмотри, натура. Кто на тебя позарится? Любитель благородной старины или последний некрофил. Публицист по определению не может быть некрофилом – у него двадцатитрехлетняя жена.

– Вот еще, – пробормотала она и кивнула официантке.

– Я готов принести извинения.

– Не стоит. Вы такой, какой есть, и таким останетесь, хоть извинитесь еще сотню раз. Мы с вами всего лишь случайные попутчики. Дорога когда – то закончится, и мы больше никогда не увидимся.

– Удивительно. За короткое время вам дважды удалось внушить мне чувство вины. Это под силу только настоящей женщине.

– Это комплимент?

Чарнецкий пожал плечам:

– Если бы мне сказали, что я настоящий мужчина, я бы воспринял это как комплимент.

Но вы правильно делаете, что не верите мне. Последнее время я и сам себе не доверяю. Все запуталось, знаете. Я вдруг понял, что потерял нравственную опору в жизни.

Косясь на публициста, Михася внутренне подобралась. Ну и тип!

Раскусил ее на пятой минуте разговора и вяжет, вяжет оснастку. Таких высот одной интуицией не достичь, пожалуй, это мастерство, возведенное в ранг искусства. Ноги в руки – и драпать от этого шелкопряда – виртуоза.

– Заказывать будете? – спасла ее официантка.

– Спасибо! Нет! – Михася обрадовалась тетехе, как родной. – Счет, пожалуйста.

Чарнецкий – таки оплатил ужин. Михалине пришлось утешаться тем, что платил он не только за нее, но и за чертову бестию.

По пути в купе она держалась с подчеркнутой холодностью.

Чтобы растопить лед, Борис вился вокруг спутницы, выказывал воспитание и галантность: поддерживал в переходах, подавал руку, пропускал в нужных местах вперед или, наоборот – придерживал, словом, беспокоился, хотя беспокойство это, скорее, относилось не к спутнице, а к тарелке с сыром и маслинами, которую она несла из ресторана.

– Михалина, расскажите о сестре. Это родная ваша сестра или двоюродная? – в паузах между тактическими маневрами, расспрашивал Чарнецкий.

– Родная, – отвечала она.

– И как она оказалась в Польше?

– Как все, так и она.

– А именно?

– Репатриировала. Мама у нас полька.

– Вот оно что. Младшая или старшая сестра?

– Старшая.

– А как с работой у сестры?

– Нормально. Преподает в гуманитарном университете в Варшаве. – Михася всегда считала, что самой ей похвастаться нечем, поэтому с удовольствием хвасталась сестрой.

– Что преподает?

– Сравнительное языкознание. Она филолог, доктор наук. Стефания Ивановна Трацевская. Сестра достаточно популярная фигура в своей среде. Защитила недавно докторскую. Очень активный человек. Помимо часов в университете еще факультативы ведет. И собирает пожертвования для бездомных животных.

– А семья? – Они уже подошли к купе, и Чарнецкий откатил перед спутницей дверь.

– Да как – то не сложилось.

Остановленная запахом, Михалина замерла на входе, принялась и оглядела их временный приют.

В глаза бросился прозрачный пакет, сиротливо приткнувшийся на столике. Сквозь него проглядывала вполне предсказуемая яичная скорлупа, обглоданная куриная ножка и пучок зеленого лука.

Не дотянув до своего места наверху, Катька заняла нижнюю полку напротив дремлющего Платона Фархатовича.

– Как ты? – поинтересовалась Михалина, наклоняясь к девице.

– Ух, ты. Классно! – Катькин мутный взгляд остановился на оливках с сыром. Она пошарила у себя за спиной, нащупала сумку и на свет появилась бутылка коньяка.

– Что, опять? – оторопела Михалина. – Куда тебе?

– Не мне, а нам! Да вы не стесняйтесь, – тоном своего в доску парня пригласила пьянчужка, – присаживайтесь.

Михася приткнулась с нею рядом и посмотрела несчастными глазами на Чарнецкого – тот озадаченно молчал.

– Как вы говорите? Если повезет с попутчиками – повезет в поездке?

– Сейчас границу пересекать будем, – проводив бутылку сумрачным взглядом, остановил Катьку Борис. – Спрячь это.

...Михалина могла голову дать на отсечение: служебно – розыскная собака(кокер – спаниель по кличке Гребешок) дергала носом в сторону Катькиной сумки, куда та сунула коньяк.

Поезд загнали в тоннель, пассажирам раздали декларации.

Идея накатить в режиме особой секретности Катьку возбуждала.

Михася нещадно трусила и пыталась пробудить в своих соседях по купе хоть какую – то социальную ответственность, но ей всучили стакан со словами:

– Или все, или никто. Не порть людям вечер.

Разливала крашенная выдра. Очевидно, решила всех сподручить, потому не скупилась.

– Все – все, хватит! – придушено охнула Михася, когда дошла очередь до ее стакана. – Куда? Это неразумно. Зачем напрашиваться на неприятности?

– Ой, да ладно тебе, – поморщилась выдра. – Строишь из себя принцессу крови. Выпьем за обратную дорогу.

Платон Фархатович многозначительно хмыкнул, и было не понятно, к чему это хмыканье относится: к тосту или к принцессе крови.

Михалина предпочла думать, что к принцессе.

– За что? За обратную дорогу? Не рановато? На место еще не прибыли, – заметил Фархатович.

– Мне нужно чем – то запить, – без всякой логики потребовала Михася.
– Коньяк? Запить? – ужаснулась выдра.
– Я не пью крепкие напитки. – Все – таки Михалина была человеком с убеждениями.
– Гос-с-с-поди. – Бестия посмотрела на нее с отвращением. – Какая же ты зану – уда!
– Один момент. – Борис поставил свой стакан, спустил с верхней полки сумку, рука его нырнула в боковой карман, откуда он извлек примятый пластиковый стаканчик и пакет сока. Михалина вознесла молитву Богородице: стакан был матовым.
– Спасибо, – грудным голосом поблагодарила она своего спасителя.

Катька раздула ноздри:

– Все? Погнали?

– Сколько угодно, – разрешила «принцесса крови».

Пить она не собиралась, поэтому прибегла к проверенному трюку: глотать коньяк не стала. Набрав в рот, осторожно (здесь не обойтись без натуралистической подробности) выпустила в стакан с соком.

– Мы можем в Варшаве встретиться, – внес неожиданное предложение Чарнецкий.

– За встречу в Варшаве, – тут же провозгласила Катька.

Прозвучало почти как за встречу на Эльбе.

Начался всеобщий обмен телефонными номерами. Михасю эта процедура не коснулась, потому что сотового телефона у нее не было в заводе, и она совершенно устранилась, благодаря чему успела заметить: Катька не пила, и свой стакан замаскировала пакетом с остатками ужина бедуина.

Тут в вагоне послышался шум, раздались шаги и голоса, бутылка и стаканы моментально испарились, но вошедшие пограничники все равно дергали носами, как давешний кокер – спаниель.

Едва поезд выехал из санитарной зоны, Михалина снялась с места и, захватив с собой рюкзак, улизнула за дверь.

Очередь от туалета змеилась до середины вагона (работал один туалет, как в каком – нибудь задрипанном совковом поезде «Москва – Барнаул»), и когда Михася вернулась в купе, мужчины храпели, а Катьки на месте не оказалось.

Михалина решила, что пьянчужке снова стало плохо.

Испытывая по этому поводу недостойное католички торжество, она устроила рюкзак на крючок в изголовье, легла, еще несколько минут воевала с подушкой и рюкзаком (одно исключало другое), наконец, с удовольствием вытянулась на хрустящей простыне и мгновенно заснула.

* * *

... Поезд стоял.

Выпутавшись из простыни, Михася посмотрела на часы – они показывали половину пятого утра.

Стараясь не шуметь, привстала и выглянула в окно – прямо напротив вагона выступало из предрассветной дымки здание вокзала, на нем крупными буквами была обозначена привязка к местности: «Siedlce». Седльце, перевела она.

Сон улетучился. Под ребрами у Михалины пульсировало, разрасталось и тяжело ворочалось счастье.

В голове фейерверками расцветало: через час тебя встретит Стефа. Через час для тебя наступит Юрьев день. Через час ты пополнишь сонм счастливых, посетивших древний город... Станешь другим человеком, освобожденной женщиной Востока.

Подождав, пока поезд отойдет от станции, Михася тихонько соскользнула со своего места и с удивлением обнаружила, что Катькина полка над ней пуста.

«Вот бестия, везде успеет», – беззлобно подумала, имея в виду туалет.

Туалет оказался свободен, так что Катьку она подозревала незаслуженно.

Завершив все процедуры, Михася поддалась наитию и заглянула к проводникам:

– Доброе утро, – она лучезарно улыбнулась. – Не знаете, куда подевалась наша попутчица из восьмого купе?

– Сошла.

– Как сошла?

– А так: ногами по ступенькам сошла в Седльце, – равнодушно бросила снулая тетка и отвернулась.

Что – то удивило в ответе, но Михалина не поняла, что именно. Сам ответ или тот факт, что Катька болтала много, но ничего, ни слова, ни полслова не сказала про Седльце. Зато Катька говорила про Варшаву. Они собирались там встретиться с Борисом.

Мысли о крашеной выдре быстро вытиснились другими, и Михалина забыла думать об этих странностях – ей не терпелось ступить на землю предков.

Будить спящих попутчиков она не стала из благих побуждений: до станции Варшава – Западная, куда ехали журналист и его друг, время еще было, а после вчерашнего у них минута сна за час шла, как на войне.

Решив, что так даже лучше – не прощаясь, – Михася осторожно откатила двери и вынесла свой архи скромный багаж.

До Центрального вокзала так и простояла в тамбуре, нетерпеливо, как цирковая лошадь перед номером, перебирая ногами.

За окном проплывали холмы, усыпанные нарядными деревеньками, особенно рассматривать было нечего, но Михася щурилась от счастья и даже что – то тихонько мурлыкала себе под нос. И это был не псалом.

* * *

... Угодив из поезда в распростертые объятия Стефании, она услышала:

– Матка Боска! Ты чего такая зеленая? Или это из – за света искусственного? – Стефа отступила на шаг и продолжала с пристрастием разглядывать сестру. – И что это на тебе, Мисюсик?

– Отстань, – нежным голосом попросила путешественница и поцеловала Стефу.

Одевалась Михалина по принципу: бедненько, но чистенько. Этот стиль одежды, прическу (хвост, как правило), макияж или, точнее сказать, его отсутствие Стефания подвергала беспощадной критике.

Вкусу сестры Михалина привыкла доверять – он развит был до уровня инстинкта. В данный момент на Стефе были черные джинсы и свободный жакет, тоже черный, из – под которого выглядывали невероятная, нежно – лиловых оттенков рубашка и густо – сиреневая жилетка. Фиолетовые замшевые ботиночки сразили Михасю наповал. Сначала ей стало себя жалко, а потом по дну души анакондой проползла настоящая, постыдная, можно сказать, порочащая католичку зависть. Михася попыталась придушить ее смирением (каждому воздается по заслугам, в конце концов, у тебя двое сыновей, а у Стефании только ботиночки), но и оно оказалось весьма сомнительным.

– Где твои вещи?

– Все здесь, – Михася потрясла рюкзаком.

– Позоришь фамилию.

Сестры направились к эскалатору, поднялись с нулевого этажа на первый, мимо магазинчиков и касс вышли на городскую площадь, набирающую разбег перед будним днем.

С Балтики тянулись облака, и без того неяркий солнечный свет путался в них, рассеивался, пробившись, осторожно касался крыш, верхушек деревьев и асфальта.

В носу у Михаси защипало. Очертание чудовищной башни в стиле «космо», придающей площади зловещий вид, расплылось.

– Ты будешь в восторге, – как издали донесся голос Стефании.

Впитывая всей кожей, легкими, зрением и слухом атмосферу города, его шум и толчею, Михася почти не слушала сестру, а когда вслушалась, поняла, что пропустила большую часть из того, что та говорила.

К этому моменту они уже стояли перед ослепительным «Ситроеном» – «жуком». Из монолога сестры Михалина с удивлением узнала, где всю жизнь хотела побывать и чем заняться:

– ...помнишь, нас с детства интересовала история семьи? Могу тебя порадовать. Сейчас мы как раз и займемся биографическими исследованиями. Найдем дом, где жили Трацевские, будем исследовать жизнь прапрадеда Франца.

Сестра выждала торжественную паузу – Михася не реагировала.

Стефа списала ее онемение на дорогу, азиатчину и культурный шок, и продолжила:

– Я тут немного покопалась, но несерьезно, знаешь, набегами. Навела справки, выяснила, где искать. Теперь мы возьмемся за это вплотную. Нужно отыскать корни фамилии. Я уже выяснила кое – что. В Центральном архиве исторических записей есть сведения обо всех участниках того самого Январского восстания, в которое ввязался наш прапрадед. Туда мы завтра с утра и отправимся. Если нам повезет, отыщем могилки предков. Правда, здорово?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.